

* * *

Терпеливый вспомнишь портвейн изгнания,
в коридоре надпись – «АС/ДС».

Кто теперь читает твои писания
по общагам Всея Руси?

Там тебя полжизни никто не хватится –
сколько зим прошло, сколько лет,
как сменивший ксиву, нигде не значится,
ни в одном его списке нет.

Он теперь прикидывает заранее
на больничной койке – куда ж нам плыть?
Впрок зубря хароново расписание,
в воду учится заходить.

* * *

И какого, думаешь, рожна?
Это что ли то, что мы хотели,
глядя в телевизор, где страна
вырасти не может из шинели?

Я не помню, чем она берёт.
И другой не знаю, где так больно
на разрыв черёмуха цветёт,
словно ей скомандовали «вольно».

* * *

Всё, что было, оставь за спиною.
Через поле недолго пешком.
Мир кончается жёлтой травой
и прибрежным песком.

Ни державы не надо великой,
ни её «славных дел».
Лишь бы краешек родины, дикий,
всё травой шелестел

и баюкал нетрезвого сына
своего долгой рябью речной.
Да роняла бы листья осина
над его головой.

* * *

Третья улица Строителей
общей памятью больна.
Растеряла прежних жителей
ненадёжная страна.

Если в прошлое сощуриться –
все как прежде в том раю:
с детства памятная улица,
оливье да ай лав ю.

Там стоит ещё империя,
пряча давнюю гнильцу,
но уже вторая серия
приближается к концу.

Заливная рыба портится,
титры лезут на экран.
Дальше – больше: безработица,
залепуха и обман.

Не докличешься родителей,
в наступившей темноте,
и в квартиру на Строителей
заселяются не те.

Им ещё начислят заново
плату страшную в квитке
за тепло левиафаново
на вселенском сквозняке.